

Мурр-1991-3/окт.-с.5

(Никита Михалков:

НАШ ДОМ — ЕВРАЗИЯ

Только два соотечественника удостоены за всю историю Международного Венецианского кинофестиваля его главного приза «Золотой лев»: в 1962 году — Андрей Тарковский за фильм «Иваново детство», в 1991 году — Никита Михалков за картину «Урга. Территория любви».

ЛЕГКО хвалить задним числом, когда знаешь: работа режиссера оценена квалифицированным международным жюри. Но в том-то и дело, что новый фильм Михалкова «забрал» мою душу сразу, еще до того, как стало известно о присуждении ему «Золотого льва».

Сейчас есть, конечно, соблазн рассказать о первых впечатлениях, кольнувших сердце, об испытанной вместе с русским шофером, сыгранным Владимиром Гостюхиным, боли от невозможности вспомнить своих прадедов, не говоря уже о более ранних предках. И тем не менее личное, а точнее, личное в данном случае режиссерское слово:

— Картина «Урга. Территория любви» «сплелась» как бы из воздуха, которым мы дышим. Она, видимо, выросла из ощущений, переживаний, мыслей и помыслов русского человека, живущего в этом мире — в России и вне ее, ощущающего корнями эту страну, отношение к ней зарубежья. Кроме того, одним из импульсов было то, что мы — Евразия.

Здесь необходимо пояснение. Все, что происходит в фильме, происходит в степях китайской Монголии. Рассказывается же в нем о жизни монгольской семьи и русском шофере, работающем в Китае на строительстве большой дороги.

— Глубочайшее, на мой взгляд, заблуждение, — говорит Никита Михалков, — искать ответы на вопросы наших дней в одной только Европе. Да, окно в Европу для нас прорублено, но метко выражением Пушкина, Петром Первым. Но что было до этого? Около 240 лет татаро-монгольского ига. Культура, обычаи, традиции Востока, проникавшие в нашу державу, на нашу землю. Они оставили след и все-таки не смогли превратить Россию в однозначно восточную страну, а нас — в людей Востока. Шрамы, однако,

варные плоды современной цивилизации привлекли его скорее как игрушки, а не как что-то такое, ради чего стоит жить. Природные силы берут в нем верх, и визит в город лишь будит на миг уснувшую память.

— Что это, Никита Сергеевич, попытка сопоставить два типа ценностей? Или ценности подлинные и химерные?

— Нет. Я вообще не пытаюсь сопоставлять нечто с чем бы то ни было. Идет разговор о двух людях, о представителях двух народов. И оба, да простит меня Господь, зомби. Русский человек понимает, что с ним что-то произошло, чувствует кожей, но объяснить происшедшего не может. Не находит он объяснения и в выплеске ощущения себя заброшенным, погибающим — в щемлящей сердце песне «На сопках Маньчжурии», ноты-татуировка которой вытравлена на его спине. Он не скажет, кто виноват — Маркс, Энгельс, нигилизм российский. Или большевизм, выживавший в течение многих лет в народе его менталитет, ощущение корней. Он не понимает, что приведена в исполнение угроза партийного гимна: «кто был никем, тот станет всем». Не догадывается, что проведена страшная селекция.

Он не задумывается, что жил в стране, где, чтобы стать министром или главой государства, нужно было доказать доподлинно свое ничтожество в поколениях: что твой прадед — раб, отец — батрак, мать — прачка, ты сам — окончил один класс церковноприходской и ВПШ — заочно. Он ничего по простодушию своему не знает. Даже зачем работает в Китае, строит какую-то дорогу в чужой стране, в то время как дома, в России, полная разруха. Но он уже чувствует неладное. И у этого

политиков. Только жаль, что нынешние государственные мужи просто не знают об этом. Они думают, что это проблема сегодняшнего дня России. Ленин прекрасно усвоил историю государства Российского и поэтому достиг всего, чего хотел. Ради чего эти люди устроили путч? Чтобы помочь народу, которого они не знают? Ну что, Янаев серьезно знает проблемы людей, скажем, в городе Вологде или в Рыбинске? Нет. Они говорили о проблемах, стоящих перед народом, с одной целью: чтобы удержать у кормушки кувшинное рыло той дьявольской силы, которая страшно боится потерять власть. Но самое ужасное, что после провала путча все до единой проблемы остались.

— Из фильма можно понять, что волнует Никиту Михалкова-художника. Но отвлечемся от творчества. Что особенно тревожит вас в нашей действительности?

— Только одно. Опасение, что люди, одержавшие действительно серьезную победу, которая предоставила редчайшую возможность для гигантского скачка страны, не обратят внимания на каждый пункт заявления наших августовских «декабристов» и не займутся решением проблем не столько в Москве, сколько в глубинке России, в русской провинции. Если этого не произойдет, то следующий путч будет уже снизу. Его не остановишь даже танками. Нельзя засыпать на лаврах победы и гальванизировать толпу, упиваясь речами в микрофон.

Дело в том, что и победители — продукт эпохи. Они — не инопланетяне. Это люди, родившиеся в нашей же стране. Они наследники известных методов борьбы, присущих нашей стране. Поэтому я боюсь, что на смену правому большевизму, который как бы побежден, придет в результате левый большевизм, и методы у него будут те же: запрещение коммунистической партии, разделение имущества, что мне напоминает трагическое «грабь награбленное».

Я опасаясь, что левый большевизм будет ничуть не лучше, а может быть, даже хуже правого. Старшие поколения людей хотя бы видели войну, пережили разруху. Они прожили жизнь не только в обстановке лжи и вседозволенности, но еще и в моменты тяжелых переломных этапов страны. А комсомольские вожди, воспитанные пионерской организацией и комсомолом, — это уже иное племя, закаленное аппаратными играми и зараженное всеобщим цинизмом.

На V съезде кинематографистов, когда стали делить «пирог», я рассказал присутствовавшим в зале притчу. Как раб, на которого рассердился хозяин, был посажен в болото и привязан к дереву. На закате солнца его сжирала мошкара, москиты. Мимо шел пилигрим, увидел раба, пожалел — срезал ветку и стал ею обмахивать несчастного. Раб вместо благодарности спросил: «За что ты меня так ненавидишь?» «Я тебя ненавижу? Как тебе не стыдно?» — возмутился пилигрим. — Ты весь в крови, я прогнал москитов, а ты неблагодарен». На что изнемогающий раб ответил: «Ты прогнал сытых. Сейчас прилетят голодные...»

Разве не такую же ситуацию переживают сейчас люди? Та ревностность, с которой стали все делить, расхватывать, занимать посты, расталкивать локтями, чтобы никто не примазался к победному пирогу, — это же всем видно. Культуры не прибавилось. Иногда я думаю, что иначе, к великому сожалению, не могло быть.

— Это почему же? Есть ведь в нашей стране культурные, образованные люди...

— Есть, но очень мало. Поколения выросли в полной уверенности, что история державы начинается с 1917 года. Все остальное было лишено правды, смысла. Из истории выбирались те события, что укрепляли ложь власти. Нужна причина — ее оправдывают, не нужна — поносят. Перетасовка исторических фактов в конкретный момент с целью удержаться у власти — один из кошмарных методов, которым пользуются путчисты всех времен и народов. В этом смысле большевики не знали себе равных.

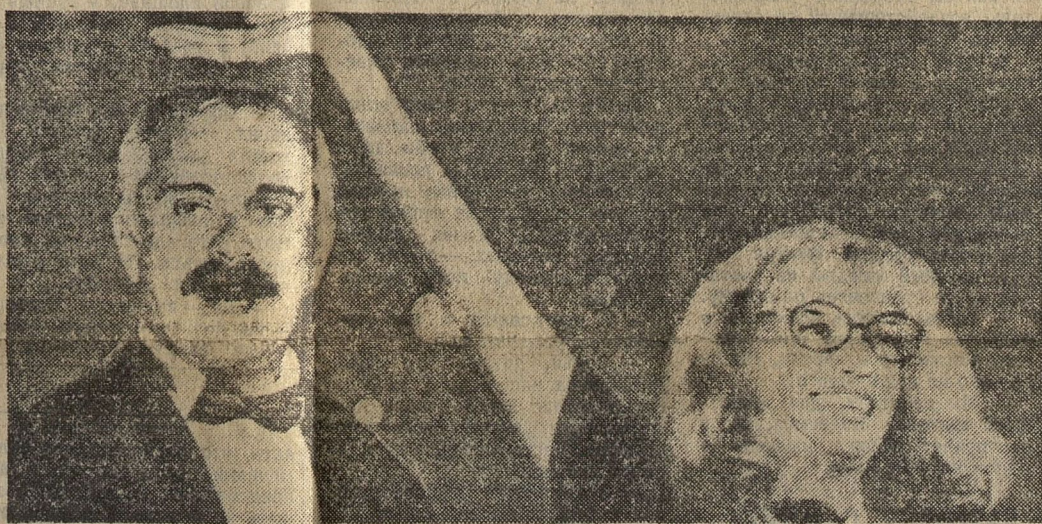
— Вернемся к фильму. Никита Сергеевич. У «вашего» монгола четверо детей. Последний из них, как сказали вы, уже абсолютный зомби. Ему знакомы даже смутные откровения переживания. Он счастлив в своей неукорененности, в своей неперивязанности к «территории любви». Мой вопрос, однако, не о нем. А об отцовской ответственности перед детьми. Что бы вы хотели дать вашим четверым детям?

— Наверное, ничего, кроме ощущения родства со всем тем, что называется наша Родина в самом глубоком понимании этого слова. Я хотел бы видеть их всех, независимо от жизненных обстоятельств, думающими, работоржцами, любящими людьми.

— Уже после беседы по пути в Римский аэропорт я спросил у Никиты Михалкова: «Какой вопрос для вас сегодня самый серьезный?»

Он ответил не сразу: — Судьба России. Расчлененная, разрушенная, слабая Россия — катастрофа для мира. Те, кто осознает или бессознательно толкает ее к такому состоянию, обрекают себя на ситуацию, при которой даже брежневские времена вспомнятся как «золотой век»...

П. НЕГОИЦА,
соб. корр. «Труда».
ВЕНЕЦИЯ—РИМ.

На снимке: Н. Михалков и киноактриса М. Витти.

влияние остались. Поэтому «Урга» — это картина, сделанная с позиции евразийского мышления. Я не стану доказывать, что мы являемся Евразией. И, может быть, не стоит нам искать ответы на вопросы только по западную сторону нашей границы...

— Но ведь и Пушкин, и Чехов убеждали, что у России преимущественно европейское разитие...

— Посмотреть нам на Восток, а также на Китай тем не менее сегодня нелишне. Я снимал картину в китайской Монголии, в 80 километрах от советской границы. В маленьком городке Хайлар величиной с наш Серпухов на улицах продаются мороженые креветки из Шанхая, бананы, помидоры, апельсины... Люди сыты и одеты. Но мы отвлеклись, я не хотел бы рассуждать только об экономической выгоде сотрудничества с Востоком. Просто хочу еще раз подчеркнуть, что не только на Западе нужно нам искать ответы на волнующие вопросы.

В фильме «Урга. Территория любви» художественно исследуется тема человеческих ценностей, которые коренятся в жизни, поведении, в представлениях людей разных народов. Русскому и, шире, европейцу, на первый взгляд, трудно принять образ жизни монгола, кому домом была и осталась юрта, а «городом» — бескрайняя степь. Да и монголу, стояло ему попасть в китайский город, живущий по западному об-

разцу, становится неуютно. Топрусского человека есть еще надежда, что его дети хоть что-то поймут. Или он сам когда-нибудь очнется, если ему дадут очнуться, перестанут глушить сознание водкой или возможностью уехать за границу. И монгол тоже зомби. Его предки завоевали полмира, а он едет в город, чтобы достать презервативы и избежать рождения «лишнего» ребенка. Его историческая память также замутнена, хотя причины их иные.

— Странная вещь. Чем больше вы критичны к персонажам своего фильма, тем больше мне хочется их защитить. И русский, и монгол в общем-то хорошие люди. Их объединяет, по-моему, то человеческое, что в каждом осталось, несмотря на трагические перипетии истории. Или вы не согласны?

— Я не хотел делать картину о людях, которых не люблю. Поэтому такое ощущение объяснимо. Моя картина о людях, в целом не виноватых в том, что они такие. Они — результат, жертвы, несчастные люди, которые еще ощущают, что несчастны. Хотя бы на уровне подсознательно-эмоциональном. В отличие, скажем, от последнего ребенка Гомбо, который в финале фильма говорит: «Я счастлив». Вот он — законченный зомби, «дитя прогресса». Абсолютно несчастный человек.

Тема корней... Беспамятства... Тема России. В той или иной форме она была в большинстве фильмов русского режиссера. Но в картине «Урга. Территория любви» тема России трагична, незавидна. Фильм был снят до августовских событий, но именно после них началось быстрое разрушение, поставившее остро вопрос о судьбе России, ее государственности, об исторической памяти русского народа. Не фантастично видится в таком контексте «пессимистический» финал фильма.

— Страшно произносить, — сказал Никита Сергеевич, — но мне кажется, в фильме предугаданы не столько события августа, сколько более поздние, будущие. Люди победили хунту, но проблемы-то остались. 98 процентов населения, в этом я глубоко убежден, могут подписаться под любым пунктом в обращении ГКЧП к народу: в нем — правда. Другой разговор, кто намеревался заняться решением проблем и как. Никто из путчистов не имел права заниматься судьбой народа. Они не знают ни его истории, ни его культуры.

Все вопросы поставлены еще 400—500 лет назад. Дмитрий Донской, Иван Калита ломали головы над теми же вопросами, которые занимают сегодняшних